

Эдвард Радзинский

На Руси от ума одно горе

*Часть сборника
Загадки истории (сборник)*

Эдвард Радзинский
На Руси от ума одно горе

«АСТ»

Радзинский Э. С.

На Руси от ума одно горе / Э. С. Радзинский — «АСТ», — (Загадки истории)

ISBN 978-5-457-20848-3

Книга жизни Петра Яковлевича Чаадаева, знаменитого критика своего времени (жил он в 19 веке), который своими странностями озадачивал современников и продолжает озадачивать потомков.

ISBN 978-5-457-20848-3

© Радзинский Э. С.
© АСТ

Содержание

На Руси от ума одно горе	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эдвард Радзинский

На Руси от ума одно горе

В 1856 году в Москве произошло печальное событие, поставившее «Московские ведомости» в весьма затруднительное положение. Умер Петр Яковлевич Чаадаев, никаких чинов не имевший, да и вообще давным-давно нигде не служивший. А как сказал его современник: «У нас в России кто не служит, тот еще не родился, а кто службу оставил, тот, считай, помер».

Но несмотря на это, не сообщить в газете о его смерти было положительно невозможно, ибо, не занимая никакой должности на Государевой службе, отставной ротмистр Петр Чаадаев занимал особое, даже исключительное место в жизни как московского, так и петербургского общества.

Умер он, когда ему шел шестьдесят третий год. Его сверстники еще были живы и помнили, как пленительно начиналась эта жизнь...

Происходил он по матери из рода славного нашего историка князя Щербатова. Родителей он потерял в детстве, и воспитывала его известная всей Москве причудами и богатством старая дева, княжна Анна Щербатова, все помыслы которой, само собой разумеется, занимал наш юный тогда герой.

Воспитание молодого человека, имеющего счастье (и несчастье) быть наследником большого состояния, описано неоднократно: сначала крепостная нянюшка учит младенца прекрасной русской речи, после чего извечную нашу Арину Родионовну сменяет извечный гувернер из французов – католик. Это, кстати, вызывало изумление жившего в те годы в России Жозефа де Местра. Отмечая непримиримость русской православной церкви, ее постоянную борьбу с католицизмом, граф удивлялся полнейшему ее равнодушию к тем, кто воспитывает русских детей...

...француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.

Затем легкомысленного француза сменил дотошный англичанин – тоже отнюдь не принадлежавший к православию. Он научил нашего героя любить Англию, а заодно и пить грог. Ну а потом:

Острижен по последней моде,
Как dandy лондонский одет —
И наконец увидел свет.

Галломанию, столь модную в России, начала сменять англomanия. Две империи владели умами тогдашних комильфо. Первая – империя вчерашнего лейтенанта, ставшего владыкой полумира, рушившего троны и назначавшего королей. «Столбик с куклою чугуной» – в походном сюртуке, со скрещенными на груди руками – украшал комнаты и мечты молодых людей.

Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...

Но была еще одна империя, не менее могущественная, – «империя денди» во главе с ее некоронованным владыкой, англичанином Джорджем Брэммелем. Как и всякий император, лорд Брэммель тоже издавал законы – к примеру, вдруг начинал носить накрахмаленные галстуки или перчатки до локтей, и никто не смел ослушаться – все носили. И будущий английский король принц Уэльский, и король поэтической Европы лорд Байрон были подданными этой империи.

Но дендизм – это не только искусство одеваться и счастливая диктатура элегантности. Это манера жить. Это *тот* ресторан, *та* любовница, *та* дуэль, *те* привычки...

Прямым Онегин Чильд – Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом...

Главная гордость денди – быть *не как все*, поступать совершенно неожиданно, но демонстрируя при этом такт и искусство истинного денди – умение нарушать правила... в пределах правил, быть эксцентричным и радостно непредсказуемым, оставаясь в рамках хорошего тона и безупречной светскости.

Чаадаев с начала жизни стал полномочным послом дендизма в России, и до смерти его манеры, умение одеваться и его странности (но не смешные, а напротив, *те странности* — таинственные, ему только присущие, непредсказуемые) будут притчей во языцех.

Поццо ди Борго, корсиканец-эмигрант, русский посол в Париже после падения Бонапарта, сказал о нашем герое: «Если бы я был властью в России, я бы непременно и часто посылал его за границу, чтобы все могли увидеть этого русского и при этом абсолютно порядочного человека».

Для Поццо ди Борго быть абсолютно порядочным – и значило быть абсолютным денди.

Как и положено абсолютному денди, Чаадаев своими странностями озадачивал до восхищения озорных сверстников.

Существовали *общие забавы* тогдашних молодых людей – Лунина, Пушкина и прочих, почитавших непременно быть «друзьями Вакха и Венеры». Походы в бордели, веселые девы, представленные буквой «б» с точками в стихах Пушкина и Лермонтова... Читайте письма нашего поэта к Вульфу, в них – «наука страсти нежной, которую воспел Назон» и преуспеть в которой считали обязательным тогдашние молодые люди. Причем важно было не только соблазнить даму, но и выставить на веселое поругание рогатого титулованного мужа.

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага,
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится...
Но отослать его к отцам
Едва ль приятно будет вам.

Так молодой Пушкин воспел молодые свои забавы... и заодно свою будущую гибель.

Но во всех этих коллективных веселиях нет нашего героя. «Красавчик Чаадаев», как называют его в полку, с холодным презрением наблюдает *общие забавы* молодых повес. С самого начала на его личную жизнь наброшен непроницаемый покров тайны, и сверстники с уважением принимают этот утонченный, как бы сейчас сказали, «крутой» дендизм.

Он заканчивает Московский университет и, естественно, поступает в знаменитый лейб-гвардии Семеновский полк, ибо все его предки там служили. Но слово «естественно» не может управлять жизнью абсолютного денди, и потому, пройдя французскую кампанию, он перейдет из Семеновского полка в Ахтырский. Как уважительно скажет современник: «Перешел как настоящий денди – объявил причиной мундир Ахтырского полка, каковой изысканнее был, на его взгляд, мундира полка Семеновского...»

Во время войны 1812 года он получил крест за храбрость, дрался под Кульмом и в «битве народов» под Лейпцигом, был в почетном карауле при императоре, когда русские войска вступили в Париж. Далее – возвращение с победой в Россию...

Ахтырский полк стоял в Царском Селе. Там и произошло его знакомство с юным гением. На портрете того времени Чаадаев – красавец, еще в каштановых кудрях (уже скоро он их сбросит) и в том самом мундире Ахтырского полка...

Тогда же Пушкин написал хрестоматийное:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут,
В Афинах Периклес,
А здесь он – офицер гусарский.

Борец с тиранией и – вождь демократии... За этими строками и скрывалась вторая жизнь денди.

Еще в отрочестве Чаадаев был хорошо известен московским букинистам – он собирал книги. Разговоры с мальчиком занимали знаменитых «московских стариков» – важных членов Английского клуба, вечно брюзжащих по поводу петербургских глупостей (как и положено столице прежней, Москва была вольнодумицей, стоящей в самой пренебрежительной оппозиции к столице новой). Так начиналась подлинная жизнь Чаадаева – жизнь духа...

Беседы «офицера гусарского» с юношей-стихотворцем легко восстановить по пушкинским стихам. Они отражали ту «европейскую заразу» свободы, которую принесли с собой победители из побежденной Франции. Очень много говорили о вольности (ибо нигде так часто не произносится слово «вольность», как в рабских странах), «о власти роковой», о том, воспрянет ли Отечество от сна, или все кончится, как обычно – медведь немного поворчит и снова повернется в вечном своем сне на другой бок...

Разговаривали и о самом странном – об удивительном долготерпении народа-раба, почитающего за родителей своих беспощадных господ, о «глазах быка в ярме»... В самом печальном стихотворении молодого Пушкина – отзвук тех бесед:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды —

Ярмо с гремушками да бич...

Так начиналась история Петра Чаадаева, а точнее – «горе от ума» Петра Чаадаева...

В 1820-м ему было двадцать четыре года. Он переживал высшую точку своей карьеры. Самый блестящий молодой человек в Петербурге накоротке с великим князем Константином, братом императора Александра, его ценит и сам Государь. Он адъютант командира Петербургского гвардейского корпуса, и все уже знают, каковой будет следующая ступень его карьеры – адъютант императора.

Как и следовало делавшему блестящую карьеру, он член могущественной масонской ложи. В той же ложе – «брат» Грибоедов.

И конечно, он близок к могущественнейшим государственным мужам... Как справедливо скажет Молчалин Чацкому:

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

И действительно, именно тогда, в 1820 году происходит событие, которое породит множество сплетен и останется навсегда загадкой. Безоблачный взлет стремительной карьеры вдруг закончился самой внезапной отставкой, к тому же без следующего чина, что означало опалу и гнев Государя.

«Чин следовал ему: он службу вдруг оставил...»

Что же случилось? Его первый биограф процитирует сплетню, которая ходила тогда по Петербургу и останется во всех сочинениях о нем.

В том же 1820 году происходил конгресс в Тропау. Вчерашние союзники, победившие Наполеона, выясняли: как умирять народы, коли пожелают они жить не так, как того им, победителям, захочется. Монархи и вельможи демонстрировали любовь друг к другу, сквозь которую прорывалась естественная неприязнь – она выражалась в очаровательных колкостях и злых «mots»,¹ которыми галантно обменивались на увеселениях, сопровождавших конгресс, и интимных встречах. И во время завтрака Александра Первого с князем Меттернихом всесильный австрийский министр, счастливо пожинавший тогда плоды побед («С тех пор как в Бонапарта гусиное перо направил Меттерних...»), вдруг спросил своего русского союзника: «Что нового в России?»

Государь ответил что-то вроде: «В России ничего нового...» Тогда Меттерних, как и подобает хорошему дипломату, выдержал эффектную паузу, после чего сказал: «Если не считать восстания в одном из гвардейских полков Вашего Величества».

И Александр побледнел: он ничего об этом не слышал...

Действительно, именно в то время состоялось восстание, потрясшее Петербург. Но оно было отнюдь не в «одном из полков», но в знаменитом лейб-гвардии Семеновском, где прежде служил Чаадаев. Этот полк героически прошел французскую кампанию, шефом его был сам император. Командир полка Шварц был назначен самим Александром...

¹ Остроты, шутки (фр.).

Со Шварца все и началось. С ним случилось то, что часто бывает в России: он озверел от вседозволенности и уже не только изнурял несчастных солдат муштрой, придирками к амуниции, но полюбил рукоприкладство. Тут его фантазии были самые разнообразные – к примеру, он выдергивал усы у проштрафившихся гвардейцев. В конце концов эти одноусые и совсем безусые не выдержали...

После подавления мятежа предстояло самое неприятное: сообщить об этом Государю. Курьер (все по той же петербургской сплетне) был отправлен в Тропау, конечно же, вовремя, но передвигался чрезвычайно медленно, ибо все время занимался притираниями лица и смелой туалетов. И потому опоздал – прибывший из Петербурга австрийский курьер сообщил Меттерниху новость раньше.

Опоздавшим якобы курьером и был Петр Яковлевич Чаадаев. И взбешенный Государь выгнал его в отставку.

Всем, кто имел удачу родиться и жить в России, версия эта покажется очень сомнительной. И действительно, как потом выяснят, ничего подобного не было, да и быть не могло. Александр, конечно же, знал все куда раньше Меттерниха – австрийский курьер собрался тотчас скакать из Петербурга с известием о бунте, но соответствующее ведомство (оно всегда было у нас начеку и работу свою исполняло отлично) визу на отъезд австрийцу долго не выдавало. Так что, пока иноземец бегал по бесчисленным инстанциям, Чаадаев преспокойно доскакал первым.

Но тогда – что же случилось?

Его другой биограф, человек необычайно к нему близкий (Чаадаев даже именовал его «племянником»), некто Жихарев, интересовался этим, пожалуй, всю жизнь. И много раз Чаадаев начинал ему рассказывать... С подробностями живописал Петр Яковлевич, как горели свечи на столе у Государя и в каком сюртуке был он в тот вечер. Лишь одного не сообщал – содержания их беседы.

Однажды Жихарев не выдержал и осмелился напрямую спросить: «Почему же случилась отставка?»

Чаадаев ответил сухо и зло: «Стало быть, так надо было», будто за всем этим была некая нелегкая для него тайна.

Тайна действительно должна была быть... Зачем он вообще согласился поехать в Тропау? Ведь понятно – миссия эта была совершеннейшим убийством карьеры. Все знали, что Государь, лично назначивший Шварца, ждет сообщения о том, что «его Шварц» был хорош – плохи были полковые офицеры. Значит, ехать предстояло со лживой, доносительской миссией, а это было, конечно же, невозможно для «абсолютно порядочного» денди. И все же наш герой согласился ехать. Неужели он не понимал: чем правдивее будет доклад, тем большее последует недовольство Государя?

Жихарев из обрывков слов и даже умолчаний предположил совсем странное: Петра Яковлевича подвело тщеславие – точнее, уверенность в себе и в том, что при встрече с Государем он обязательно обольстит его умом и *некоей беседой*.

Беседой... о чем?

Все новые царствования, все правления у нас порождают в обществе удивительные надежды на лучшее, ибо начинаются весьма часто с самых смелых, восхитительных реформ. Даже безумное царствование Павла – какие благотельные прожекты... Да что Павел! Обратимся к истории: «Грозным» прозвали царя Ивана, а с каких прогрессивнейших реформ начал кровавое царствие!

А «дней Александровых прекрасное начало»? Царь окружил себя молодыми реформаторами – «нашими», как он тогда их называл. Какие великие преобразования готовились ими, чтобы потом...

Но потом – все и всегда в России происходит согласно «всероссийскому» стихотворению, кстати, посвященному Пушкиным Чаадаеву:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман...

Впрочем, Адам Чарторыжский, один из «наших», вспоминал, как умные старики утешали испуганных грядущими преобразованиями молодых придворных – дескать, при бабушке Екатерине все тоже начиналось с «обещаний и великих мечтаний»... И действительно – вот уже главного реформатора Сперанского усадили в возок и повезли в ссылку, сопроводив любимым российским резюме: реформами своими замыслил развалить наше великое государство и... предать его Наполеону! И вот уже рядом с царем встал новый любимец, полубезумный Аракчеев, который придумал апофеоз рабства – военные поселения, где солдаты-крестьяне маршировали, сеяли, кормили скот и рожали детей под бравурные марши и дробь барабана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.